

Проезжая на днях возле Меринова, мы завернули к Ивану Яковлевичу чайку попить и кстати узнать, благополучно ли теперь поживает друг наш Филат Антонович. Мы с большой радостью узнали, что не только жив и здоров наш старый друг и охотник, но еще и ведёт за собой самый отчаянный партизанский отряд из своих друзей-охотников.

В такие-то годы! — подивились мы.

А что ему годы, — ответил Иван Яковлевич, — на то и есть мужественный человек и герой, чтобы годы свои красить. Не берут его годы. Иван Яковлевич наклонился в сторону подпечья и сказал туда, в подпечь, тихо и ласково:

Руська, Руська.

И как только вымолвил он это слово, из-под печи вышел здоровенный матёрый заяц-русак.

Вот, товарищи, — сказал Иван Яковлевич, — этот заяц — не простой русак. Прошлый год я поймал его — был меньше кошки. Держал в кадушке, на капусте вырастил, а когда осенью хотел к празднику зарезать — что-то в этом зайце мне показалось, пожалел. И вот через этого зайца владею теперь ружьём.

Значит, — сказали мы, — не ружьё принесло зайца охотнику, а заяц — ружьё.

Кроме шуток, — ответил Иван Яковлевич, — истинно так.

И рассказал нам историю, как заяц Руська у начальника партизанского отряда Кумачёва съел сапоги.

Было это на переломе войны, когда немцы подходили к Москве. В это время отряд Кумачёва затаился в лесном овраге, а сам начальник, Филат Антонович, пришёл ночевать к Ивану Яковлевичу.

Какой же он стал теперь? — спросили мы с интересом.

А точно такой, как был, — ответил Иван Яковлевич: рост — колокольня, плечи — косая сажень, сапоги — американские, рыжие, на крючках.

И вооружение полное, и притом ещё дробовик. Вот какой молодец!

Случилось это ночью, все уснули в избе, а Руська вышел из-под печи и принялся работать над сапогами начальника. Что он там нашёл себе, этот заяц русский, в том месте, где американцы своим способом соединяют голенища с головкой? За целую ночь заяц только и сделал, что начисто отделил голенища от головок, будто захотел понять, как надо шить сапоги на американский манер.

Поутру первая встала Авдотья Ивановна. Как глянула, так и обмерла: на глазах её заяц уничтожал сапоги. И какие сапоги!

Иван Яковлевич, — разбудила она мужа, — погляди, заяц что сделал.

Ужаснулись супруги. Шепчутся меж собой, ахают, тужат.

Чего вы там шепчетесь? — спросил начальник, не открывая глаз. —

Я не сплю.

Батюшка, Филат Антоныч, прости нас, беда у нас в доме, такая беда — сказать страшно.

Что? Немцы?

Начальник партизан вскочил и схватился за наган.

Какие там немцы — заяц, заяц, родной. Погляди сам.

Поглядел начальник: головки и голенища отдельно лежат.

Так это заяц мои сапоги съел?

Так точно, батюшка, никто другой — заяц съел сапоги.

Вредная тварь, — сказал начальник.

И надел сначала голенища, потом головки, концы же голенищ вмял под края головок. После этого оделся, умылся и зарядил дробовик.

Ну, вызывай своего зайца на расправу. А то он и твои сапоги съест.

Руська, Руська, — позвал хозяин.